

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.58.23>

МИФ О ВЕЧНОСТИ В КИММЕРИЙСКОМ ТЕКСТЕ М. А. ВОЛОШИНА

Научная статья

Иванова Н.П.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-8330-2669;

¹Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (n-p-ivanova[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования Киммерийского текста. В ходе исследования, которое проводится на материале лирических произведений М. А. Волошина, установлено, что указанная сверхтекстовая структура оформляется как результат осмысления мифа о вечности, лежащего в основе укорененности киммерийского мифа в сознании поэта.

Миф о вечности реализован как в пространственной, так и во временной сферах анализируемых художественных произведений. Формы экспликации указанной ментальной структуры в Киммерийском тексте М. А. Волошина являются предметом исследования. Они обусловлены, в первую очередь, мировоззренческими установками поэта и связаны с осознанием места человека в мироздании и его отношения к окружающему миру.

Ключевые слова: сверхтекст, Киммерийский текст, миф о вечности, М. А. Волошин.

THE MYTH OF ETERNITY IN M.A. VOLOSHIN'S CIMMERIAN TEXT

Research article

Ivanova N.P.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-8330-2669;

¹Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation

* Corresponding author (n-p-ivanova[at]yandex.ru)

Abstract

The article is dedicated to the problem of the formation of the Cimmerian text. In the course of the study, which is conducted on the material of M. A. Voloshin's lyrical works, it is established that this supertextual structure is shaped as a result of comprehension of the myth of eternity, which is the basis of the embeddedness of the Cimmerian myth in the poet's consciousness.

The myth of eternity is embodied both in the spatial and temporal spheres of the analysed works of fiction. The forms of explication of this mental structure in M. A. Voloshin's Cimmerian text are the subject of the study. They are conditioned, firstly, by the poet's attitudes to the world and are connected with the awareness of man's place in the universe and his attitude to the surrounding world.

Keywords: supertext, Cimmerian text, myth of eternity, M. A. Voloshin.

Введение

Вопросы формирования и функционирования сверхтекстов не теряют своей актуальности и дискуссионности. Исследования Н. А. Купиной [3], С. О. Курьянова [4], В. В. Курьяновой [5], А. Г. Лошакова [7], Н. Е. Меднис [8], В. Н. Топорова [11], О. В. Шалыгиной [12] не только описывают типологию сверхтекстовых структур, но и обозначают необходимость осмысления данной проблематики. Так, В. Н. Топоров в качестве основного критерия выделения Петербургского (пространственного, топического) текста выделял наличие «сверхуплотненной реальности», «высшего смысла», которым считал «путь к нравственному спасению» [11, С. 27-28]. А О. В. Шалыгина применительно к Крымскому тексту называет такого рода «смысловым сгустком», необходимым для структурирования пространства, «пространственно-временную структуру Киммерии» и говорит о поглощении времени событий пространством [12, С. 203]. Действительно, как представляется, пространственно-ценностные ориентиры определяют временные координаты, в данном случае стирают их, реализуя миф о вечности, ведь именно здесь, в юго-восточном Крыму, согласно античной мифологии, проходила граница между временным и вечным.

Отражая в своем творчестве результаты осмысления феномена Киммерии, М. А. Волошин указывал на неразрывную связь времен и неизменность законов мироздания, особенно отчетливо ощущаемые в границах указанного топоса. В связи с этим целью данной статьи является анализ форм реализации мифа о вечности в Киммерийском тексте поэта.

Основные результаты

М. А. Волошин неслучайно назван «поэтом ритма вечности» [9]: стремление к осмыслению законов мироздания под влиянием идей В. С. Соловьева, Ф. Ницше, Р. Штайнера, А. Р. Минцловой обусловило появление в сознании поэта мифа о вечности, реализующегося как в пространственной, так и во временной сферах.

Антропософское соединение человека и окружающего мира приводит к одухотворенности пространства, антропо- и логоцентризму, меняющим мироздание. Именно Коктебель стал местом обретения смыслов, выстраивания картины

мира, в которой хаос уступает место космосу, сумерки сменяются весной, и, как утверждает С. М. Заяц, «любая пейзажная зарисовка из цикла "Киммерийская весна" становится значимой частью космологического мифа М. Волошина» [2, С. 1116]. Так, уже первые строки одного из стихотворений, завершающих указанный цикл, а значит, содержащих итоги духовных поисков, описывают модель мира, включающую в себя человека, четыре стороны света и четыре стихии: «*Выйди на кровлю... Склонись на четыре / Стороны света, простерши ладонь. / Солнце... вода... облака... огонь... / Все, что есть прекрасного в мире...*» [1, Т. 1, С. 174]. Этот мир обладает как неразрывной целостностью («*К небу из пены простерты длани*»), так и неизменной иллюзорностью: «*Гаснут во времени, тонут в пространстве / Мысли, события, мечты, корабли... / Я ж уношу в свое странствие странствий / Лучшее из наваждений земли*» [1, Т. 1, С. 174]. Человек представляется здесь, с одной стороны, вершиной мироздания, склоняющейся однако перед всеми гранями его совершенства, с другой – вечным странником и единственным хранителем мифологизированного образа этого мира (в данном случае речь может идти о райском варианте Крымского мифа, согласно классификации С. О. Курьянова [4, С. 30]).

Реализация мифа о вечности наряду с пространственной составляющей, безусловно, предполагает и временную. В связи с этим А. Ф. Лосев утверждает, что время – это «развёрнутая вечность, а вечность – свёрнутое в одной точке, в одно мгновение время» [6, С. 35]. И С. М. Пинаев в работе «Время и вечность в поэзии Волошина» делает вывод о том, что «единственная ощущаемая форма времени, знак вечности, по Волошину, это мгновение» [9, С. 231].

Это мгновение может быть обозначено в названии стихотворения данного киммерийского цикла («Полдень»), указано описательно в его первой строке («*Заката алого жаржавели лучи...*») или в финальной фразе («*Расцветает утро*»). Стагичность может быть создана посредством безглагольности (к примеру, совершенно отсутствуют глаголы в стихотворениях «*Яры, увалы, ширь полей...*», «*Акрополи в лучах вечерней славы...*») или употреблением глаголов исключительно в настоящем времени, как в стихотворениях «*Седым и низким облаком дол повит...*», «*Звучит в горах, весну встречая...*», «*Облака клубятся в безднах зеленых...*», «*Над синевой зубчатых чащ...*», «*Опять бреду я босоногий...*», что создает ощущение «развернутой вечности». Возможен также прямой призыв к погружению в текущий момент: «*Остановись. Молчи*» [1, Т. 1, С. 166]. Все это удлинняет мгновение и приближает его к вечности. По справедливому заключению С. М. Пинаева, «лирический герой "погружён" в мифологическое время, в котором отсутствуют начало и конец, к которому неприменимо понятие линейной протяжённости» [9, С. 227-228]. Таково заключительное стихотворение цикла «Киммерийская весна», написанное 20 ноября 1926 года и содержащее указание на мировосприятие человека, делающего итоговые жизненные выводы и ценящего каждый миг, который в этом случае превращается в вечность: «*Фиалки волн и гиацинты пены / Цветут на взморье около камней. / Цветами пахнет соль... Один из дней, / Когда не жаждет сердце перемены / И не торопит преходящий миг, / Но пьет так жадно златокудрый лик / Янтарных солнц, просвеченных сквозь просинь. / Такие дни под старость дарит осень*» [1, Т. 1, С. 176].

А спустя месяц, 25 декабря 1926 года, написано программное стихотворение «Дом поэта», не вошедшее в исследуемый цикл, однако сыгравшее важную роль в формировании Киммерийского текста. В нем нашли выражение мировоззренческие позиции М. А. Волошина, а также основные семантические элементы анализируемого мифа:

- указание на увековеченный самой природой образ поэта: «*Вон там – за профилем прибрежных скал, / Запечатлевшим некое подобье / (Мой лоб, мой нос, оцечье и подлобье)*» [1, Т. 2, С. 78];
- идея неразрывной связи времен, уходящей в вечность: «*Доселе грезят берега мои / (Смолёные ахейские ладьи / И мертвых кличет голос Одиссея...)*» [1, Т. 2, С. 79];
- поликультурность как отголосок смены эпох: «*Сарматский меч и скифская стрела, / Ольвийский герб, слезница из стекла, / Татарский глёт зеленовато-бусый / Соседствуют с венецианской бусой. / А в кладке стен кордонного поста / Среди бульжников оцепенели / Узорная арабская плита / И угол византийской капители. / Каких последов в этой почве нет / Для археолога и нумизмата — / От римских блях и эллинских монет / До пуговицы русского солдата*» [1, Т. 2, С. 79-80];
- идея единства человека и окружающего мира: «*Я принял жизнь и этот дом как дар / Нечаянный – мне вверенный судьбою / Как знак, что я усыновлен землею*» [1, Т. 2, С. 81];
- идея вторичности материи по отношению к духу: «*Тут по ночам беседуют со мной / Историки, поэты, богословы. / И здесь — их голос, властный, как орган, / Глухую речь и самый тихий шепот / Не заглушит ни зимний ураган, / Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот*» [1, Т. 2, С. 81];
- мотив странничества, отшельничества, духовных поисков: «*И сам избрал пустынный сей затвор / Землю добровольного изгнания, / Чтоб в годы лжи, паденья и разрух / В уединеньи выплавить свой дух / И выстрадать великое познание*» [1, Т. 2, С. 82];
- идея вечности мироздания: «*Ветшают дни, проходит человек. / Но небо и земля – извечно те же*» [1, Т. 2, С. 82];
- необходимость постижения законов мироздания и подчинения им: «*Будь прост, как ветер, неистоим, как море, / И памятью насыщен, как земля*» [1, Т. 2, С. 82];
- необходимость принимать и ценить жизнь в каждый из ее моментов и восприятие мгновения как «свернутой вечности»: «*Поэтому живи текущим днем. / Благослови свой синий окоем... / Люби далекий парус корабля / И песню волн, шумящих на просторе*» [1, Т. 2, С. 82].

Наконец, финальная строка этого стихотворения содержит постулат о единстве всего сущего, мига и вечности и о человеке как, с одной стороны, части, с другой – вечном продолжателе и хранителе этого единства (парцелированная конструкция увеличивает экспрессивность): «*Весь трепет жизни всех веков и рас / Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас*» [1, Т. 2, М. 82].

Заключение

Проведенное исследование показало, что специфика топоса, определившего характер Киммерийского текста, породила обращение поэтов к вневременным ценностям, поэтому данный свертхтекст оформляется как результат

осмысления мифа о вечности. Формами реализации указанной ментальной структуры в пространственной сфере являются идеи неразрывной связи времен, прошлого и настоящего, смены эпох, ведущей к поликультурности, а также идеи вторичности материи по отношению к духу, неразрывного единства человека и окружающего мира, вечности мироздания, необходимости постижения его законов и подчинения им.

Во временной сфере реализации анализируемого мифа эксплицирована идея необходимости принимать и ценить жизнь в каждый из ее моментов, что приводит к восприятию мгновения как «свернутой вечности».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Волошин М.А. Собрание сочинений в 17 т. / М. А. Волошин. — Москва : Эллис Лак 2000, 2015.
2. Заяц С.М. «Киммерийская весна» Максимилиана Волошина как этап мифотворчества и житнетворчества поэта / С.М. Заяц // Вестник Башкирского университета. — 2013. — № 4. — С. 1113–1118.
3. Купина Н.А. Сверхтекст и его разновидности / Н.А. Купина // Человек – текст – культура. — Екатеринбург : ИРРО, 1994. — С. 214–233.
4. Курьянов С.О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков / С.О. Курьянов. — Симферополь : ИНФРА-М, 2019. — 308 с.
5. Курьянова В.В. Крымский текст в творчестве Л.Н. Толстого / В.В. Курьянова. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. — 241 с.
6. Лосев А.Ф. Античная философия истории / А.Ф. Лосев. — Москва : Наука, 1977. — 208 с.
7. Лошаков А.Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен / А.Г. Лошаков. — Архангельск: Поморский ун-т, 2007. — 344 с.
8. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе / Н.Е. Меднис. — Новосибирск : Издательство Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. — 170 с.
9. Пинаев С.М. Время и вечность в поэзии Волошина / С.М. Пинаев // Вечность как сюжет: Статьи и материалы. — Тверь : Издательство Марины Батасовой, 2015. — С. 227–235.
10. Сверхтекст: генезис, структура, семантика / под ред. С. О. Курьянов. – М.: Директ-Медиа, 2023. – 224 с.
11. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2003. — 617 с.
12. Шальгина О.В. Ландшафтные коннотации солярного мифа в структуре крымского текста (М. Волошин «Киммерийские сумерки») / О.В. Шальгина // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 46. — С. 201–206.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Voloshin M.A. Sbranie sochinenij [Collected works] in 17 vol. / M. A. Voloshin. — Москва : Ellis Lak 2000, 2015. [in Russian]
2. Zajats S.M. «Kimmerijskaja vesna» Maksimiliana Voloshina kak etap mifotvorchestva i zhiznetvorchestva poeta ["Cimmerian Spring" by Maximilian Voloshin as a stage of myth-making and life-creation of the poet] / S. M. Zajats // Bulletin of Bashkir University. — 2013. — № 4. — P. 1113–1118. [in Russian]
3. Kupina N.A. Sverhtekst i ego raznovidnosti [Supertext and its varieties] / N.A. Kupina // Man – text – culture. — Ekaterinburg : IRRO, 1994. — P. 214–233. [in Russian]
4. Kur'janov S.O. "Tajnyj ključ russkoj literatury": formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russkoj literature X–XIX vekov ["The secret key of Russian literature": the formation and formation of the Crimean text in Russian literature of the X–XIX centuries] / S.O. Kur'janov. — Simferopol' : INFRA-M, 2019. — 308 p. [in Russian]
5. Kur'janova V.V. Krymskij tekst v tvorcestve L. N. Tolstogo [The Crimean text in the works of L.N. Tolstoy] / V.V. Kur'janova. — Simferopol': Biznes-Inform, 2015. — 241 p. [in Russian]
6. Losev A. F. Antichnaja filosofija istorii [Ancient philosophy of history] / A. F. Losev — Moscow : Science, 1977. — 208 p. [in Russian]
7. Loshakov A.G. Sverhtekst kak slovesno-kontseptual'nyj fenomen [Supertext as a verbal and conceptual phenomenon] / A.G. Loshakov. — Arhangel'sk: Pomorskij un-t, 2007. — 344 p. [in Russian]
8. Mednis N.E. Sverhteksty v russkoj literature [Supertexts in Russian literature] / N.E. Mednis. — Novosibirsk : Publishing house of Novosibirsk State Pedagogical university, 2003. — 170 p. [in Russian]
9. Pinaev S.M. Vremja i vechnost' v poezii Voloshina [Time and eternity in Voloshin's poetry] / S M. Pinaev // Eternity as a plot: Articles and materials. — Tver' : Publishing house of Marina Batasova, 2015. — P. 227–235. [in Russian]
10. Sverhtekst: genезis, struktura, semantika [Supertext: genesis, structure, semantics] / edited by S. O. Kuryanov. – M.: Direct Media, 2023. – 224 p. [in Russian]
11. Toporov V.N. Peterburgskij tekst russkoj literatury [The Saint Petersburg text of Russian literature] / V.N. Toporov — Saint Petersburg : Iskustvo-SPB, 2003. — 617 p. [in Russian]

12. Shalygina O.V. Landshaftnye konnotatsii soljarnogo mifa v strukture krymskogo teksta (M. Voloshin «Kimmerijskie sumerki») [Landscape connotations of the solar myth in the structure of the Crimean text (M. Voloshin "Cimmerian Twilight")] / O.V. Shalygina // *Bulletin of Slavic Cultures*. — 2017. — Vol. 46. — P. 201–206. [in Russian]